

М. М. Громыко

Мог ли император Александр I стать праведным старцем Феодором Кузьмичем? О религиозной жизни государя в 1812 – 1825 годах

Простейший ответ на этот вопрос для верующего человека таков: «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3, 9), то есть на все воля Божия — из любого человека Бог может сделать святого, в том числе и из императора. В то же время из жизнеописаний подвижников благочестия мы знаем, что на великие подвиги, как правило, поднимались люди, готовые к этому, прошедшие определенный путь к святости. К тому же в дискуссии между авторами, склонными принять предположение о тождественности Александра I и праведного старца, с одной стороны, и отрицающими эту возможность, с другой, одним из аргументов «опровергателей» служит утверждение об исключительной удаленности императора — по взглядам, характеру, образу жизни — от старческого пути спасения. Поэтому представляется целесообразным начать исследование проблемы в целом (скажем сразу же — исключительно важной по своей духовной значимости) с рассмотрения состояния Александра I как верующего человека в последний период его правления.

Перелом произошел в ходе войны 1812—1815 гг. Именно в это время начался отход императора от либеральных увлечений, привитых ему еще в юности¹; он проникается глубоким уважением к вере русского народа и сам укрепляется в вере. Состояние государя после вторжения Наполеона и во время пребывания в зарубежной Европе хорошо проанализировано по первоисточникам Н. Д. Тальбергом. Воспользуемся его результатами.

«Император Александр, — пишет исследователь, — пришел сразу к решению поднять народную войну. В Полоцке он подписал в июле манифест о созыве всенародных ополчений, черпая примеры в истории Смутного времени XVII в. В манифесте возглашалось: «Да встретит враг в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицина, в каждом гражданине — Минина... Соединитесь все с крестом в сердце и оружием в руках, и никакие человеческие силы вас не одолеют»².

Как известно, все это очень быстро стало реальностью. Уже 11 июля 1812 г. при приближении государя к Москве на протяжении пятнадцати верст вся дорога была заполнена народом. В селах духовенство выходило с крестами навстречу ему. «С тем же подъемом встретился Государь в Слободском дворце, где собраны были дворянство и городские сословия». «Пребывание Государя в Москве произвело на него огромное впечатление. Выросши в светской обстановке Екатерининского двора, общаясь с петербургским обществом, все более отрывавшимся от родовых корней, он имел мало непосредственного общения с народом. В Москве же, молясь у святых мощей и чудотворных икон, соприкоснувшись в такое исключительное время со всей историей России, в древней столице представленной, он весь проникся отечестволюбивым чувством и понял, на какую несокрушимую силу может рассчитывать в борьбе с полчищами Наполеона. Государь несколько раз повторял в Москве: «Этого дня я никогда не забуду»³.

¹ Мы не рассматриваем здесь вопрос о значении для духовного становления Александра I благочестия его родителей — императора Павла I и императрицы Марии Фёдоровны, требующий особого исследования. Скажем лишь, что пример их не мог не отложиться в душе сына, хотя проявилось это не сразу, в силу целенаправленного воспитания другой ориентации, заданного бабушкой — императрицей Екатериной II.

² Тальберг Н. Д. Умиротворитель Европы. Император Александр I. // Русская быль. Очерки истории императорской России. М., 2000. С. 170.

³ Там же. С. 170—174.

Относительно молитв у мощей старец Феодор Кузьмич рассказывал в Сибири ближайшим из своих духовных чад (приводим дословную запись свидетельства крестьянки из деревни Мазули Покровской волости Енисейской губернии М. И. Ерлыковой): «Когда в 1812 г. входил француз в Москву и император Александр I приходил к мощам Сергия Радонежского и молился ему со слезами, слышан был глас от гробника⁴, что иди, Александр, дай полную волю Кутузову, да поможет Бог изгнать француза из Москвы, дафараон погряз в Черном море, так у Березовой реки (...»⁵.

В период отступления к Москве Александр I заявил английскому генералу Вильсону, что ни в какие переговоры с Наполеоном не вступит, прибавив: «Лучше отращу себе бороду и буду питаться картофелем в Сибири⁶. Он повторил эту мысль полковнику графу Мишо, доставившему государю донесение об оставлении Москвы: «...истощив все средства, которые в моей власти, я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, не жели подпишу позор моего отечества и дорогих моих подданных, жертвы коих умею ценить»⁷. Как видим, уже тогда прочно сложился у императора образ превращения себя в человека, ушедшего от власти в совсем иную жизнь. Тогда, в войне с Наполеоном, это не понадобилось. Но потом, в другой, невидимой брани...

Особенно важным было в 1812 г. укрепление личной веры Александра I. В 1818 г. он сам четко определил этот итог войны в разговоре с прусским епископом Эйлертом: «Пожар Москвы осветил мою душу и наполнил мое сердце теплотой веры, какой я не ощущал до тех пор»⁸.

Изменение веры императора именно в 1812 г. отметил св. митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) в беседе с А. В. Горским 26 января 1860 г. Владыка говорил о Сперанском, что он не имел веры в историческое явление Христа Спасителя, а исповедовал «какое-то идеальное христианство». «Такова, т. е. идеальная толь-

ко, была вера и Императора Александра до 1812 года», — прибавил митрополит⁹.

В конце 1812 г. царь говорил графине Тизенгаузен в Вильно: «О, мои бородачи, они гораздо лучше нас. Они сохраняют патриархальные нравы, веру в Бога и безграничную преданность своему Государю. Надо быть на моем месте, чтобы ясно представить себе, какая ответственность лежит на Государе, чтобы понять мои чувства, когда я думаю о дне, в который мне придется отдать отчет за жизнь каждого солдата! Нет, престол — не мое призвание: если бы я мог с честью изменить мое состояние, я бы охотно на это согласился»¹⁰.

Когда на собранном Александром в Семепою совете (Барклай, Дибич, Толь и кн. Волконский) решался вопрос, двинуть ли войска прямо на Париж, император ушел к себе помолиться. «В глубине сердца моего, — рассказывал он потом кн. А. Н. Голицыну¹¹, — затаилось какое-то смутное и неясное чувство ожидания, какое-то непреоборимое желание предать это дело в полную волю Божию. Мне сильно захотелось молиться и излить перед Господом тяжкие обуревания и колебания моего духа. Совет продолжал заниматься, а я на время оставил его и поспешил в собственную мою комнату, там колени мои подогнулись сами собою, и я излил перед Господом все мое сердце». По окончании молитвы Государь, ощущив «сладостный мир в мыслях, проникновение спокойствия», поспешил в совет и объявил решительное намерение идти на Париж¹².

А. Н. Голицыну он рассказал и о своем духовном состоянии в Париже: «Наше вхождение в Париж было великолепное. Всё спешило обнимать мои колена, все стремились прикасаться ко мне, народ бросался целовать мои руки, ноги, хваталась даже за стремена, оглашали воздух радостными криками, поздравлениями. Но душа моя зазнавала тогда в себе другую радость. Она, так сказать, таяла в беспредельной преданности к Господу, сотворившему чудо Своего милосердия; она, эта душа, жаждала уединения, желала субботствова-

⁴ Гробница.

⁵ Сведение, забранное о старце Феодоре. Рукописный Отдел Российской Государственной библиотеки (РО РГБ). Ф. 23. Белокуров. К. 8. Д. 1а. Л. 10 об. — 11. Сведения о старце Феодоре Кузмиче собраны в 1882 г. от крестьян тех мест, где он жил. Старец умер в 1864 г.

⁶ Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 175—176.

⁷ Там же. С. 183.

⁸ Там же. С. 184.

⁹ Рассказы митрополита Филарета, записанные А. В. Горским. // Русский архив. 1888. № 12. С. 587.

¹⁰ Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 203. Воспоминания графини опубликованы в 1877 г. в «Русской старине».

¹¹ Князь Александр Николаевич Голицын — обер-прокурор Святейшего Синода. В это время он еще пользовался доверием императора. О развитии их отношений в дальнейшем см. ниже.

¹² Рассказы князя А. Н. Голицына. Из записок Бартенева. // Русский архив. 1886. № 5—6. С. 95; Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 225—226.

ния, сердце мое порывалось пролить перед Господом все чувствования мои. Словом, мне хотелось говорить и приобщиться Святых Таин, но в Париже не было Русской церкви. Милующий промысел, когда начнет благоденствовать, тогда бывает всегда безмерен в своей изобретательности; и вот, к крайнему моему изумлению, вдруг приходят ко мне с донесением, что столь желанная мною Русская церковь нашлась в Париже: последний наш посол, выезжая из столицы Франции, передал свою посольскую церковь на сохранение в дом американского посланника. И вот сейчас же наступив против меня французы наняли чей-то дом, и церковь Русская в то же время была устроена, а от дома моего, в котором я жил уединенно, в тот же раз французы сделали переход для удобного посещения церкви (...). И вот в самом начале моего говорения добровольное отречение Наполеона от престола, как будто нарочно, поспешило в радостном для меня благовестии, чтобы совершенно уже успокоить меня и доставить мне все средства начать и продолжать мое хождение в церковь»¹³.

В день Благовещения Пресвятой Богородицы император после всенощной исповедался. Очевидцы свидетельствовали, что он просил у всех «прощения с великим, трогательным смирением». В Великий четверг (в 1814 году он следовал за Благовещением) «Император, — как пишет свитский офицер С. Г. Хомутов, — подошел к алтарю, приложился к местным образам, поклонился всем и принял Святое причастие с таким благоговением, с такою тёплою верою, что лицо его казалось еще прекраснее; счастье, небесная радость блестели в его глазах, а кротость и доброта, сияющие в его чертах, делали лицо его, всю особу его каким-то неземным видением»¹⁴.

По поводу Страстной седмицы в приказе военного губернатора Парижа говорилось: «Государь Император надеется и уверен, что ни один из русских офицеров, в противность церковным постановлениям, во все время продолжения Страстной недели спектаклями пользоваться не будет, о чем войскам даю знать. А кто явится из русских в спектакль, о том будет известно Его Императорскому Величеству»¹⁵.

В первый день Пасхи, после заутрени и обедни, отслуженных ночью в походной церкви, состоялся парад русских войск, вышедших на площадь

Конкорд, на то место, где пал Людовик XVI. Там по приказу императора был сделан амвон; присутствовали все русские священники, «которых только найти было можно». Александр I рассказывал об этом событии так: «При бесчисленных толпах парижан всех состояний и возрастов живая гекатомба наша вдруг огласилась громким и стройным русским пением... Все замолкло, все внимало!.. Торжественная была эта минута для моего сердца, умилителен, но и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедной воле Провидения, из холодной отчизны Севера привел я православное мое русское воинство для того, чтобы на земле иноплеменников, столь недавно еще нагло наступавших на Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную очистительную и вместе торжественную молитву Господу. Сыны Севера совершили как бы тризну по короле Французскому. Русский Царь по ритуалу православному всенародно молился вместе со своим народом и тем как бы очищал окровавленное место поражения невинной царственной жертвы»¹⁶.

Превратив в Париже триумф победителя в духовное торжество, Государь по возвращении в Россию пресекал намерения особо чествовать себя. В рескрипте Петербургскому главнокомандующему генералу Вязмитинову говорилось: «Сергей Козмич! Дошло до моего сведения, что делаются различные приуготовления к моей встрече. Ненавида оные всегда, почитаю их еще менее приличными ныне. Единый Всевышний причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед Ним все мы должны смириться. Объявите повсюду мою непременную волю, дабы никаких встреч и приемов не делать. Пошлите повеление губернаторам, дабы ни один не отлучался от своего места для сего предмета. На вашу ответственность возлагаю точное исполнение сего повеления»¹⁷.

В какой мере удалось Александру I в последующий период сохранить ту теплоту веры, появление которой он связывал со скорбью при пожаре Москвы? Ведь впереди было столько искушений — на международной арене и внутри России, общественных и личных, светских и сугубо духовных. Контакты, например, с баронессой В. Ю.

¹³ Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 231—232, 234; Рассказы князя А.Н. Голицына... С. 97 — 99.

¹⁴ Хомутов С. Г. Из дневника свитского офицера. // Русский архив. М. 1870; №1—3. С. 166—167; Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 235.

¹⁵ Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 235—236.

¹⁶ Голицын А. Н. Указ. соч. С. 99—100; Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 237.

¹⁷ Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 249—250.

Крюденер начались в 1815 г., и император в течение некоторого времени продолжал интересоваться ее мистическим опытом. Но если баронессе стараниями либералов историография уделила слишком много внимания (масон А. Н. Пыпин посвятил ей двухтомное сочинение¹⁸), то поездки Александра I по монастырям, определявшие в значительной мере его духовную жизнь в течение последних семи лет царствования, мало известны и доныне даже профессиональным историкам. «Обскурантизм» не интересовал либералов; они заклеймили обращение к нему императора и не вникали в подробности¹⁹.

Между тем современница событий дворянка Е.П. Янькова, хорошо ориентированная в православной церковной жизни, отмечала: «Государь любил ездить по монастырям и, если слышал, что где-нибудь есть великие старцы и подвижники, неизменно вступал с ними в беседу, просил их благословения и целовал руку. Так, он бывал на Валааме, в Свирском монастыре, в Ростове в Яковлевском и благоволил к Амфилохию, которого посетил в келье и долго у него сидел. Очень заметно было, — продолжает Янькова, — что государь чувствовал потребность общения с духовными людьми и что душа его жаждала назидательных бесед (...»²⁰.

Характер посещения монастырей Александром I засвидетельствован во многих разнотипных источниках. Из них часто выступает стремление императора избежать официальных приветствий, приемов, любой формы выделения его как государя. Он хочет быть принят как обычный богомолец. Не всегда ему это удается, но смиренный дух его собственного поведения сохраняется в любом случае.

В августе 1819 г. (в некоторых источниках 1818 г.) император проездом из Архангельска направился в Валаамский монастырь в сопровождении одного камердинера как частное лицо. Но министр духовных дел кн. А. Н. Голицын сообщил игумену Иннокентию о предполагаемом приезде государя, и потому в монастыре решено было его все-таки встречать: в Сердоболь направили монастырское судно, а в Сальму поехал эконом Арсений, где и встретил царственного богомольца поздно вечером. Иеромонах поднес ему на блюде прощору с вынутой частицей, а Александр, подойдя под благословение, поцеловал о. Арсению руку.

Император сказал, что никакой встречи в монастыре не нужно, и специально оговорил, чтобы в ноги ему не кланялись и не целовали у него руку. Отплыть он решил из Сердоболя на следующий день, 10-го августа. На Ладоге началась непогода, и поднялись такие волны, что царь спросил эконома, можно ли плыть в такую погоду. О. Арсений ответил, что «и в худшую плавали, Ваше Величество, с помощью Божией», и отправились — Александр I, иеромонах и камердинер. В монастыре поставили дозорных на колокольне и на переднем острове, где скит Николая Чудотворца, но поскольку до темноты никто не приехал, совершив братское вечернее правило, монахи легли спать. Поэтому император, проплыв более трех часов в сумерках и в темноте, стоял потом смиренно на крыльце запертого храма. Все-таки зазвонили в колокола, спешно собралась братия, и облачившийся Иннокентий встретил посреди храма государя. Приложившись к иконам, царственный богомолец подошел под благословение к игумену и ко всем иеромонахам по очереди (себе же запретил кланяться в землю). В нижней церкви приложился к раке над мощами святых Сергия и Германа²¹.

После трех — четырех часов отдыха государь поднялся (его не будили) и в два часа ночи снова был у дверей собора. Отстоял там утреню, а затем раннюю обедню — в церкви Петра и Павла; затем осматривал монастырь. Пешком обошел пустынки в лесу; посетил схимонаха Николая, который был раньше келейником игумена Назария, знаменитого восстановителя Валаамского монастыря, а теперь подвизался отшельником в крохотной келье. Отец Николай предложил посетителю три неочищенные раки, выращенные своими руками, и Александр, взяв одну из них, стал зубами отдирать кожуру. Просил у старца благословения и молитв, на прощание поцеловал у него руку.

Скиты на островах император объехал в шлюпке после полудня, а по возвращении отстоял малую вечерню и монастырское молитвенное правило. Тем не менее, вышел он и ко всенощной. Во время поучения император сидел на скамье с братией. Сосед — слепой монах Симон — тронул его рукою: «Кто сидит со мною?» Последовал ответ: «Путешественник». А на следующий день другого монаха — престарелого пустынножителя Никона, стоявшего рядом с государем на ранней (в

¹⁸ Пыпин А. Н. Госпожа Крюденер. Т. I—II. СПб.

¹⁹ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Петроград, 1918. С. 310, 386.

²⁰ Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 294.

²¹ Государь император Александр I на Валааме, в августе 1819 года. Царское Село. 1858. На основе этого источника Борис Зайцев написал главу в своей книге «Валаам». // Литературная учеба. 1993. № 1. Глава переиздана в кн. Стрижев А. Н. Император-старец Феодор Кузьмич. М., 2002. С. 235—244.

пять часов утра) обедне, выронившего костыль и упавшего, царь поднял и усадил на лавку.

Во время напутственного молебна преподобным Сергию и Герману Александр I стал на колени, и настоятель Иннокентий, положив ему на голову руку, держал и читал над головой Евангелие²².

Несколько лет спустя А. Н. Муравьев, будучи сам усердным паломником и услышав непосредственно на Валааме рассказы монахов о приезде государя, написал: «Здесь в августе 1818 года благочестивый Император Александр два дня удивлял своим смирением самих отшельников Валаама. Оставив в Сердоболе свиту, с одним лишь человеком приплыл он вечером в монастырь. Братия, созванная по звуку колокола, уже нашла Государя на паперти церковной. Несмотря на поздний свой приезд, ранее всех поспешил он к утру в собор и смиренно стал между иноками, отказавшись от царского места. Исполненный благочестивого любопытства, пожелал он лично видеть пустынные подвиги отшельников, посетил все их келии, с иными беседовал, с другими молился и, утешенный духовным состоянием обители, щедро наделил ее своими милостями. Игумен Ионафан впоследствии имел всегда свободный вход в царские покои. Память кроткого монарха священна Валааму»²³.

Итак, удивил самих старцев своим смирением... Но, может быть, поведение в этом монастыре представляло исключение? Нет, тот же дух заметен, как будет показано ниже, во всех сообщениях — кратких и подробных, включенных в жизнеописания отдельных подвижников или истории обителей либо в частные письма и другие источники. Даже статистические описания включают заметки о поездках Благословленного к святыням. Так, в том же 1819 г. Александр I специально ездил в село Никольское под Санкт-Петербургом, чтобы в церкви этого же имени поклониться чудотворному резному образу Николая Угодника, с серебряным мечом в правой руке и градом (храмом) в левой. (Многие приезжали туда по указаниям свыше, полученным во сне.)²⁴

Иногда желание посетить монастырь возникало в ходе поездки, имевшей иную задачу, — внеzapno, на основе полученной в пути информации.

Так, в 1820 г., когда государь объезжал северные свои владения, он увидел на дороге крест, означавший близость обители, и, узнав, что это Александро-Свирский монастырь, велел туда ехать. К тому в маршруте императора монастырь не был обозначен. Автор жития, в котором рассказано о этой поездке, замечает, что «государь на пути своему обыкновению, расспрашивал о местности и ее жителях у ямщиков иногда сам, иногда через кучера Илью, неизменного своего возницу».

И в этом случае он начал расспрашивать, каково в монастыре и каковы братия. Как видим, опыт Отечественной войны 1812 г. относительно благочестия народа сохранялся у императора. И здесь он не ошибся в своих ожиданиях: оказалось, что ямщик нередко ходит в этот монастырь. Он отвечал, что «ныне стало лучше прежнего. «Отчего?» — спросил Государь. — «Недавно поселились там старцы о. Феодор и о. Леонид; теперь и на клиросе поют получше, и во всем как будто более порядка»²⁵. Александр слышал уже эти имена от министра Духовных дел.

В это время в Александро-Свирском монастыре старцы о. Феодор и о. Леонид «почтительно предложили своему настоятелю, о. архимандриту, подготовиться к встрече Государя». Сами же подвижники, провидевшие приезд высокого гостя, договорились между собой быть при нем как можно более в тени. Дело в том, что о. настоятель к тому времени был рассержен особым вниманием к этим двум насельникам монастыря князя А. Н. Голицына. Подъехав к монастырским воротам, император с удивлением увидел встречающего его настоятеля: «Разве ждали меня?» Войдя в церковь и приложившись к мощам преподобного Александра Свирского, «Государь по своему смирению пожелал принять благословение у иеромонахов с приказанием, чтобы не отнимали рук, когда он будет целовать их». Спросил об отцах Феодоре и Леониде. Названные выдвинулись немного вперед, «но на все вопросы Императора отвечали елико можно сдержанно и отрывисто». Александр Павлович заметил их настроение и прекратил вопросы²⁶.

В других случаях совершались более обстоятельные беседы с монахами, выделявшимися сво-

²² Борис Зайцев свою главу об этом событии, написанную на основании первоисточника, заключает ответом на вопрос — могли ли император стать старцем Феодором Кузьмичем: «страннику, каким мы видим его на Валааме, неудивительно продолжить странствие свое. И не напрасно в храме над его головой звучал голос престарелого Иннокентия, читавшего вечные слова вечной Книги: «Научитесь от Мене, яко кроток есть и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим»». Литературная учеба. 1993. № 1. С. 244.

²³ Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским. В двух частях. Репринтное воспроизведение издания 1846 года. М., 1990. С. 144—145.

²⁴ Историко-статистическое описание Санкт-Петербургской епархии. СПб. Вып. VIII. С. 301.

²⁵ Житие оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Введенская Оптина пустынь. 1994. С. 28—29.

²⁶ Там же. С. 29—30.

им подвижничеством и духовными дарами. В 1822 г. на пути из Пскова в Ригу царь посетил Псково-Печерский монастырь. Узнав от настоятеля — архимандрита Венедикта о строгой подвижнической жизни старца о. Лазаря, император в сопровождении о. настоятеля отправился в его убогую келью «за благословением и для келейной беседы. Смиренный старец, изнемогший уже телом, но бодрый духом, с детской простотою, святою любовию и радостью принял дорогого Гостя-Царя». После беседы, при прощании «старец пал в ноги Государю, и Помазанник Божий, с своей стороны, почтил его земным поклоном». Когда Александр вышел из кельи, из глаз его катились слезы²⁷.

Столь же глубокое воздействие произвела на императора Александра I встреча еще в 1816 г. в Киево-Печерской лавре со слепым старцем Вассианом, известным строгостью жизни и прозорливостью. Государь «входил к нему в полночь, без предварительного извещения и не желая открывать ему своего высокого сана, но узнан был им. Благословенный был глубоко тронут беседою мудрого старца, исповедовался у него и впоследствии пожаловал ему драгоценный наперсный крест, и поныне хранящийся в лаврской ризнице»²⁸.

В последние годы своего царствования Александр I использовал каждую поездку для посещения монастырей и иногда бывал в одной и той же обители дважды в один день. Е. П. Янькова, приехавшая в Ростов Великий 1 сентября 1823 г., вспоминала позднее: «За несколько дней до нас в Ростове был государь Александр Павлович, два раза в один день посетил Яковлевский монастырь и, зная и уважая иеромонаха Амфилохия, ходил к нему в келью и более получаса провел у него в духовной беседе»²⁹.

Следует учесть, что все посещения монастырей, а также отдельных святынь, совершаемые Александром I частным образом, в качестве обычного богоольца (был ли узнан или нет, он вел себя как част-

ное лицо), проходили на фоне присутствия на церковных службах в качестве императора. В целом шла исключительно интенсивная церковная жизнь, глубину которой наиболее явственно обнаруживают свидетельства об индивидуальных богоольцах, а внешнюю сторону обозначают зафиксированные официально посещения церквей императором. Маршруты поездок по губерниям непременно включали, по указанию государя, присутствие на службах, соответственно церковному календарю, а также специфическим задачам поездки.

Например, в первой половине сентября 1824 г. император, соответственно заранее согласованному маршруту («от Симбирска до Оренбурга и через Уфу в Екатеринбург»), прибыл в Оренбург и сразу же направился в Преображенский собор. Государь приложился к животворящему кресту и был окроплен святой водой; затем «поклонился святым иконам и выслушал многолетие всей августейшей фамилии». При этом примикивавшие к собору улицы были заполнены приветствующими царя толпами, состоявшими из русских, татар, башкир, киргизов, чувашей и мордвы³⁰.

На следующий день, наряду с другими задачами — посещение церкви праведных Захарии и Елизаветы, а еще через день — литургия в Петропавловской военной церкви перед смотром войск. «15-го сентября, в день своего коронования, государь, отслушав в Преображенском соборе раннюю обедню», отправился из Оренбурга по тракту в Уфу. 18 сентября в Уфе в присутствии императора совершена закладка церкви во имя св. благоверного князя Александра Невского: государь положил первый камень³¹.

Заметим, что сохранилось немало и других свидетельств глубокого почитания Александром своего небесного покровителя и обращения к нему при сложных обстоятельствах. В Санкт-Петербурге день св. благоверного князя Александра Невского отмечался особенно празднично³². Да-

²⁷ Иеромонах Псково-Печерского монастыря Лазарь. // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1997. С. 262—263.

²⁸ Парфений, иеросхимонах Киево-Печерский. // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1997. С. 213.

²⁹ Рассказы бабушки... С. 273.

³⁰ Юдин П. А. Император Александр I в Оренбургском крае в 1824 г. (из дел Оренбургского Центрального архива). // Исторический вестник. 1891. Сентябрь. С. 709—712.

³¹ Там же. С. 713—714.

³² Старец Феодор Кузьмич любил рассказывать сибирякам, «какие торжества были в этот день в Петербурге — стреляли из пушек, развесивали ковры, вечером по всему городу было освещение, и общая радость наполняла сердца человеческие...» Старец в день св. благоверного князя Александра Невского послеобеденное время проводил у двух знакомых старушек (Марии и Марфы), которые ранее жили около Псково-Печерского монастыря, а в ссылку в Сибирь (никому не было известно — за что) пришли в одной партии с Феодором Кузьмичем. Они в этот день готовили «для него пироги и другие деревенские яства». По сообщениям знативших его, старец «весь этот день был необыкновенно весел». Он возил с собой повсюду маленький образок св. Александра Невского и вешал его, в числе других немногих икон, в святом углу в каждой келье, где жил. — Мельницкий М. Ф. Старец Феодор Кузьмич в 1836—1864 г. // Русская старина. 1892. Январь. Т. LXXIII. С. 88, 91. М. Ф. Мельницкий собирал сведения для жизнеописания старца, когда многие из его окружения были еще живы.

же находясь за пределами России, государь всегда торжественно отмечал день этого святого³³. В 1815 г. 30 августа (ст. ст.) во Франции, в долине Верту, где Александр I произвел смотр своим войскам, был совершен торжественный молебен. «Это был самый лучший день в моей жизни, — говорил Государь впоследствии, — никогда его не забуду. Мое сердце было полно любви к врагам. Я горячо молился за них. И, плача у подножия креста, я молился о спасении Франции»³⁴.

Император подарил образ св. благоверного князя Александра Невского работы художника Егорова в г. Красноярск, в Благовещенский храм, где был престол этого святого³⁵.

Приезд императора в знаменательном 1825 году в Новгородский Юрьевский монастырь, где настоятелем был архимандрит Фотий (Спасский), требует особого внимания, т. к. этот человек в последний период правления Александра Iоказал несомненное влияние не только на духовное развитие самого государя, но и на государственную политику в области религиозной жизни России. Разумеется, любое значительное общение царя с духовными лицами оказывало опосредованно, через состояние его личности, воздействие и на общественные дела, но в этом случае и сам архимандрит четко осознавал задачу — помочь государю разобраться в происходящем с последовательной православной позиции. В значительной мере ему это удалось, чему способствовала одновременно поступавшая к императору информация о деятельности тайных обществ: деятельность подтверждала самые мрачные опасения архимандрита- «фанатика».

Александр I все более проникал в антихристианскую сущность борьбы против монархий. Он писал кн. Голицыну: «Едва ли Ваше суждение может разойтись с моей точкой зрения, потому что эти принципы разрушения как враги престолов направлены еще более против хри-

тианской веры и что главная цель, ими преследуемая, идет к достижению сего, на что у меня имеются тысячи и тысячи неопровергимых доказательств, которые я могу Вам представить. Словом, это результат, на практике примененный, доктрина, проповеданных Вольтером, Мирабо, Кондерсе и всеми так называемыми энциклопедистами... Не есть ли это долг христианина — бороться против врага и его диавольского творения всеми теми средствами, которые даны нам Божиим Промыслом?»³⁶

Архимандрит Фотий (в миру — Петр Никитич Спасский) с первых же шагов своей деятельности — в сане иеромонаха он был назначен в 1817 г. законоучителем 2-го Кадетского корпуса в Петер-

Архимандрит Фотий (П. Н. Спасский).

³³ Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 250.

³⁴ Там же. С. 267—268.

³⁵ Храм был построен в 1804—1822 гг. Подаренная Александром I икона находилась в храме вплоть до его закрытия в советское время. Примечательно, что настоятелем этого храма был протоиерей Петр Лаврентьевич Попов, переведенный затем в Кладбищенскую церковь Красноярска и в этом качестве ставший духовником старца Феодора Кузьмича. В 1830 г. протоиерей Петр Попов стал епископом Енисейским и Красноярским Павлом. (Енисейский Энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 73, 455, 487. В словарь этот вкраилась ошибка: протоиерей Петр Попов и Енисейский епископ Павел рассматриваются как два разных лица.)

М. Ф. Мельницкий пишет: «Впоследствии оказалось, что у Феодора Кузьмича был постоянный духовник — протоиерей Красноярской Кладбищенской церкви отец Петр, человек очень хорошей жизни, получивший хорошее образование, горячо любимый своею паствою. Священник этот заезжал к старцу раза два-три в году, иногда подолгу оставался у него, беседовал о нем с крестьянами и уговаривал их относиться к старцу с особенным уважением, т. к. это был, по его словам, «великий угодник Божий». В сноске у Мельницкого: «Протоиерей Красноярской Кладбищенской церкви, отец Петр Попов, впоследствии Красноярский епископ Павел + в Красноярске в 1880 г.». Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 90. См. также Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700—1917 гг. Ч. I. М., 1996. С. 693.

³⁶ Цит. По Смолич И. К. Указ. соч. С. 534—535.

бурге — решительно выступил против распространения в изданиях и преподавании антиправославных идей под видом христианского универсализма. За это его удалили из столицы в 1820 г. в Новгородский Деревяницкий монастырь, который он, в качестве игумена, привел в хорошее состояние. То же повторилось в 1822 г. в Новгородской Сковородовской обители, переживавшей кризис и приведенной в короткий срок теперь уже архимандритом Фотием в число благополучных монастырей. В том же 1822 г., по представлению митрополита Санкт-Петербургского Серафима, «за примерное поведение и за исправление двух монастырей — Деревяницкого и Сковородовского» он был назначен настоятелем первоклассного Новгородского Юрьева монастыря. В 1825 г. митрополит Серафим официально свидетельствовал, что архимандрит Фотий привел Юрьев монастырь в цветущее состояние, «имеет пламенное усердие к церкви Божией и благочестивое рвение к пользе отечества»³⁷. В письме к графу А. А. Аракчееву митрополит дал развернутую характеристику архимандрита Фотия как церковного деятеля. «Но что сказать о пламенном усердии и ревности архимандрита Фотия к соблюдению веры отцов наших неприкосновенною? Как исчислить труды и подвиги, понесенные им для блага святой нашей церкви, непрестанно воюемой злоухищренными кознями врага Божия и возмущаемой косвенными нападениями исчадий ада, тем опаснейшими, что прикрыты лицою любви к ближнему и усердия к пользе человечества?» И далее: «Архимандриту Фотию, посвятившему себя Богу и восходящему к совершенству христианской жизни, чуждо всякое желание временных наград»³⁸.

Издатель автобиографии архимандрита Фотия, не пожелавший открыть свое имя, в 1894 г. подвел итог пятидесяти годам полемики о нем: «Архимандрит Фотий навсегда останется одною из замечательных исторических личностей XIX века. За ним навсегда останется значение выдающейся личности по одному тому уже, что он был одним из главных виновников того переворота в

русской религиозно-общественной жизни, каким ознаменована вторая половина царствования Александра I»³⁹.

Либеральная и революционная историография дружно заклеймили «обскурантизм» Фотия и оплакивали влияние его на Александра I⁴⁰. Началось это еще при жизни архимандрита. Внимательная и достаточно объективная верующая современница вспоминала: «Фотий считался некоторыми людьми за фанатика, оттого что строго держался православия и не одобрял многих духовных книг, которые в то время, то есть в 1820-х годах, стали печатать при тогдашнем министре духовных дел князе Голицыне Александре Николаевиче»⁴¹. Как видим, уже в 20-х годах XIX в. (а не только в наши дни) человек, строго державшийся православия, казался «некоторым людям» фанатиком. Часть из них составляли маловеры и неверы, которые просто не понимали самой сути духовного горения. Другие же целенаправленно стремились опорочить архимандрита, разоблачившего деятельность масонов. Е. П. Янькова опровергает клеветников: «Что рассказывали недоброжелатели и враги Фотия про его будто бы предосудительные отношения к графине (Анне Алексеевне Орловой-Чесменской. — М. Г.) — пустая выдумка и злая клевета. Он был строгой жизни и к женщинам вообще очень суровый, а графиня пребогомольная, преблагочестивая девица. Говорили, что она была в тайном постриге и что она пошла бы и совсем в монастырь, да не было ей позволено, и потому она оставалась в миру, а носила под своими богатыми туалетами власяницу и жила как монахиня»⁴². Св. митрополит Филарет (Дроздов) одобрял отношения между архимандритом Фотием и графиней⁴³.

Именно графиня Орлова-Чесменская в 1822 г. представила своего духовного отца — архимандрита Фотия императору Александру I. Но государь мог слышать доброе слово о нем и от других, т. к. «в Новгороде и его окрестностях, среди простого народа, а также в значительной части петербургского общества и во многих других местнос-

³⁷ Карнович Е. П. Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря. // Русская старина. 1875. Июль. С. 304. 307. 329.

³⁸ Барсов Н. И. Князь А. Н. Голицын и архимандрит Фотий в 1822—1825 гг. // Русская старина. 1882. Март. С. 770—771.

³⁹ Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия. // Русская старина. 1894. Март. С. 135.

⁴⁰ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Изд. второе. СПб., 1885. С. 367—368, 436 и др.; Кудряшов К. В. Александр I и тайна Феодора Кузьмича. Петербург, 1923. С. 20; Кнорринг Н. По поводу Александровской легенды. // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 4. С. 241—255.

⁴¹ Рассказы бабушки... С. 276.

⁴² Там же. Монах Евводий, присутствовавший на погребении графини А. А. Орловой-Чесменской, рассказывал, что ее хоронили «в черном монашеском платье» и «на панихиде поминали Агнис и поминали шесть недель монахиней». (Слезкинский А. Архимандрит Фотий и графиня А. Орлова-Чесменская. // Русский архив. 1899. № 11. С. 324).

⁴³ Смолич И. К. Указ. соч. С. 213.

тях России Фотий считался праведником, «святым», избранником Провидения⁴⁴.

Сохранились записи самого архимандрита о встречах его с императором: в виде краткого перечня всех их, а также в более подробных характеристиках отдельных встреч, которые встречаются в письмах, записках и автобиографическом «Повествовании» Фотия. Заметим попутно, что большое письменное наследие архимандрита еще ждет своих исследователей. Это — поучения, проповеди, обширный эпистолярный материал, записки и проч. Все это, как в оригиналах, так и в писарских копиях (в том числе — с авторской правкой), в разных редакциях, в сафьяновых переплетах (сделанных усердием графини А. А. Орловой) хранится в фондах Юрьева Новгородского монастыря (РГАДА. Ф. 1208), Орловых (РО РГБ. Ф. 219) и самого Фотия (Спасского) (РО РГБ. Ф. 758). Опубликована лишь часть этих материалов⁴⁵.

Краткий перечень всех встреч архимандрита с государем приведем здесь полностью, дословно, в силу особой значимости этого документа для темы данной статьи. Архимандрит Фотий нередко писал о себе в третьем лице, как бы для более объективной отстраненности. Так и в этом перечне, выполняющем функцию объективной справки.

«1822 года 5 июня в С.-Петербурге архимандрит Фотий был у Императора Государя Александра 1-го полтора часа, с 6 часов до половины осьмого: зело Царь был милостив: и видел в нем аз, яко Ангела Божия, готового на дело Божие. Имел слово о деле Божием.

1824 года 20 апреля у Государя Императора Архимандрит Фотий был три часа по делам Св. Церкви и веры, с 6-ти часов до 9-ти вечера и видел лицо Царя яко Ангела Божия.

Сего же года 14 июня у Государя Императора Александра 1-го А. Фотий был два часа по делам Св. Церкви. И сначала был Царь гневен — якоже грозный Ангел Бога вышняго, а потом — тих, милостив он был в беседе по делам Св. Церкви.

1824 года августа 6 дня был у Государя Императора Арх. Фотий три часа, с 6-ти до 9-ти, и имел слово о делах Св. Церкви, и был Царь якоже Б[ожий] Ангел.

1825 года 12 февраля был арх. Фотий у Государя Императора около трех часов по делам Св. Церкви.

1825 года июля 25 дня в Новограде в Юрьевом монастыре Государь Император был в 4 часа у ранней литургии, кою служил А. Фотий, и после Государь был у Арх. Фотия в кельях, и было дело о делах Св. Церкви. И в 8 часов утра отправился в путь⁴⁶.

Даже в этом кратком перечне встреч — памятке Фотий считает нужным сказать о духовном состоянии Государя: «и видел в нем аз яко Ангела Божия, готового на дело Божие»; «и видел лицо Царя яко Ангела Божия»; «И был Царь якоже Божий Ангел». Такие определения дает архимандрит, считавшийся фанатиком за то, «что строго держался православия».

Сохранилось свидетельство о том, как готовился архимандрит Фотий к первой встрече с Александром. Оно принадлежит священнику Я. Л. Морошину, осведомленному в том, что происходило тогда в обители. Он пишет в своих воспоминаниях, что настоятель готовился открыть императору о губительной деятельности масонов. «Для сего назначил он себе и всему братству Юрьева монастыря сорокадневный пост, исповедался, отслужил обедню и напутный молебен и, прощаясь с братией, как бы уже на смерть, просил их молитв»⁴⁷.

В автобиографических записках о. Фотия отмечены существенные детали первой встречи с императором Александром I в 1822 г. Идя во дворец, архимандрит «знаменал как себя, так во все стороны, дворец, проходы». Прежде приветствия царя он искал глазами в комнате образ и сделал три поклона. Указанное государем место крестил, прежде чем сесть. Александр I был очень расположен к его речам — «всем сердцем применился к услышанию слова от уст моих». Император призывал себя «паки и паки» перекрестить и сам крестился. В конце беседы, пишет Фотий, «Царь пал на колени перед Богом и, обратясь лицом ко мне, сказал: «Возложи руце твои, отче, на главу мою и сотвори молитву Господню о мне, прости и разреши мя». Государь поклонился в ноги и поцеловал руку архимандрита после благословения⁴⁸.

⁴⁴ С. Г. Р. (С. Г. Рункевич?). Фотий (Петр Никитич Спасский). // Русский биографический словарь. Ф — Ц. СПб., 1901. С. 209. Это свидетельство тем более заслуживает доверия, что автор статьи в РБС в целом неодобрительно относится к архимандриту и с иронией пишет о бывших Фотию явлениях свыше.

⁴⁵ См. «Русский архив» за 1868, 1869 и 1873 гг., а также «Русскую старину» 1894 г. (Т. 81, 82), 1895 г. (Т. 83, 84), 1896 г. (Т. 87).

⁴⁶ Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). Ф. 1208. Юрьев Новгородский монастырь. Оп. 3. Д. 47. 1822 г. В этом деле собраны письма Фотия за 1822 г. Но в конце добавлена приведенная выше запись встреч — Л. 373—374. На полях приписка карандашом (Л. 373): «Нужно ли сие?» и весь текст (Л. 373 374) зачеркнут карандашом.

⁴⁷ Морошин Я. Л. Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря. Воспоминания священника. // Русская старина. 1876. № 10. С. 313. В момент публикации «Воспоминаний» автор их был заштатным священником Тверской епархии и жил в селе Буриги Тверской губернии.

⁴⁸ Из записок архимандрита Фотия о свидании с государем. // Русский архив. 1869. С. 929.

После первой встречи произошел перерыв в непосредственном общении Фотия с императором, но контакт, по-видимому, продолжался через письма архимандрита, передаваемые графиней Орловой и офицером Федором Петровичем Уваровым. 14 февраля 1824 г. настоятель Новгородского Юрьева монастыря писал графине А. А. Орловой-Чесменской о том, что император прислал к нему адъютанта поблагодарить за осведомление о его болезни. «Яко Ангел является быть во плоти наш Царь! Чаю, что будет успех пред лицем Его в деле веры. Молися о Нем, чадо, да обратит Его Господь на путь оправданий своих и спасет Его и помилует»⁴⁹.

Ко второй встрече, 20 апреля 1824 г., борьба по поводу политики в области религии и просвещения настолько обострилась, что император принимал настоятеля тайно. Архимандрит Фотий рассказывает об этом в своем «Повествовании», соответственный параграф которого назван «Беседа о Фотии с Императором Александром Первым за веру и церковь Христову противу злорвия и врагов ересиархов». Далее следует такой текст: «Император Александр, мудрый и благочестивый, желал вскоре о всем зле, явно и тайно возникшем, подробно уведать, апреля 20 [неясное слово] по полудни в 6-ть часов повелел о. Фотию явиться к себе пред лице, и из уст его все сам слышать: посланный повелел ему с секретного входа взойти; и тайно лествицею к нему в кабинет, дабы сие не было всем гласно». Архимандрит поехал на эту беседу из дома графини А. А. Орловой, камердинер ввел его тайной лестницей «в церковь малую походную, которая была на случай болезни у Царя поставлена подле его кабинета»⁵⁰. Эта походная церковь у самого кабинета государя — еще одна существенная черта в характеристике религиозной жизни императора. В воспоминаниях Я. Л. Морошина также отмечается, что настоятель приезжал к государю тайно — в другом случае его принимали на половине императрицы⁵¹.

Кого должен был опасаться самодержец России?.. От кого хотел он скрыть свои контакты с «фанатиком»? Важное для общества и государства содержание этих бесед не входит в предмет данной статьи — нас интересует духовное состо-

яние императора. Но для тех, кто исследует поворот во внутренней политике Александра I в последние годы правления, многие тексты архимандрита Фотия («Повествование», письма и проч.) послужат богатейшим источником⁵².

Напомним кратко известные события этого времени в государственной церковно-религиозной политике. Князь А. Н. Голицын, обер-прокурор Святейшего Синода с 1803 г., в 1810 г. стал министром народного просвещения, а в 1811 г. — главой Департамента иностранных исповеданий. В 1817 г. создано единое Министерство духовных дел и народного просвещения, так называемое Двойное министерство, во главе с А. Н. Голицыным, который «был охвачен идеей некоего универсального «нового христианства» надконфессионального типа. Используя власть обер-прокурора, он во имя веротерпимости способствовал проникновению в русское общество различных течений протестантско-сектантского толка». Манифест о создании Двойного министерства «был вполне в духе Голицына и его взглядов на народное просвещение в рамках универсального христианства»⁵³.

Оппозиция этому направлению со стороны духовно сильных иерархов проявлялась с самого начала деятельности кн. Голицына. Архиепископ Казанский Амвросий (Подобедов), назначенный главой Петербургской епархии (при этом он становился первоприсутствующим членом Священного Синода), еще при императоре Павле I⁵⁴, предсторегавший против опасных новшеств, был в 1818 г. удален кн. Голицыным из Св. Синода и умер в этом же году. Сменивший его на Петербургской кафедре и в Синоде митрополит Михаил (Десницкий), бывший архиепископ Черниговский, «человек мистического склада, но строго православный», в результате конфликтов с Двойным министерством в марте 1821 г. подал императору жалобу на всемогущего министра и спустя две недели скончался. Сменивший его митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Серафим (Глаголевский) еще более решительно восставал против «терпимости» кн. А. Н. Голицына (в частности, против перевода Священного Писания Библейским обществом).⁵⁵

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1208. Новгородский Юрьев монастырь. Оп. 3. Д. 48. Л. 10 об. — 11.

⁵⁰ РО РГБ. Ф. 219. Орловы. К. 128. Д. 3. Л. 51.

⁵¹ Морошин Я. Л. Указ. соч. С. 314.

⁵² Укажем хотя бы на то, что в деле, на которое мы сослались выше (К.128. Д. 3), рассматриваются взаимоотношения с князем Голицыным, содержится обличение Родиона Кошелева как главы иллюминатов и «врага престола и алтаря», разоблачения Библейского общества и тайных обществ и проч.

⁵³ Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700—1917. Часть 1. М., 1996. С. 156 — 157. 211.

⁵⁴ В сан митрополита Амвросий (Подобедов) был возведен за день до убийства императора. Там же. С. 207 — 208.

⁵⁵ Там же. С. 159. 211 — 213.

Серафим I (Лаголевский), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1821 – 1843).

Александр I в течение длительного времени видел в князе Голицыне человека, подходящего для борьбы с наступлением атеизма и революционных идей. В этом противостоянии казалось естественным единение христианских сил. «Но постепенно его (Голицына. — М. Г.) универсалистские взгляды все дальше расходились со взглядами Императора, который все более тяготел к строгому православию. Если Голицын оставался верен идее единения христианских народов, идее надконфессионального Царства Христова на земле, то выдворение иезуитов из Петербурга в 1815 г. (т. е. еще до создания Двойного министерства) показало, что для императора конфессиональные соображения играют немалую роль. Они вскоре (после 1817 г.) дали о себе знать в мерах, предпринятых цензурой против мистической литературы (1818 г.), в ссылке Селиванова, возглавлявшего скопцов, в изгнании иезуитов — на этот раз уже из России в целом (1820 г.)»⁵⁶.

Хотя архимандрита Фотия вводили к государю тайной лестницей, сам он отнюдь не скрывал своей позиции от А. Н. Голицына. Вот как архимандрит описывает свою встречу с князем через два дня после второй беседы с Александром I. «1824 г., апреля 23, князь Голицын пришел к Фотию. Два почти года увещевавший его отстать от заблуждений⁵⁷ Фотий на этот раз начал говорить так: «Умоляю тебя Господа ради: останови ты книги, кои в течение твоего министерства изданы против Церкви, власти царской и противу всякой святыни и в коих ясно возвещается революция; или возвести ты помазаннику Божию». Князь Голицын отвечал: «Что же мне теперь делать? Все университеты и учебные заведения сформированы для революции». Я (говорит арх. Фотий) ему сказал: «Ты яко обер-прокурор сперва, а потом министр духовных дел и просвещения, мог бы уже исправить». Голицын сказал: «Не я, а Государь виноват, который, такого же духа будучи, желал того». Фотий сказал: «Если бы ты был премудр по Писанию, послушал бы ты обличения и покаялся; но как ты все попираешь и не хочешь покаяться, то поразит вас Господь. Я предстану с тобою на Страшном Суде пред Господа, и все слова мои будут тебе в обличение и во осуждение; молю тя, покайся, отрекись от лукавых пророков, подобных Геснеру». С омерзением и злой отвратился князь, побежал вон без благословения, хлопнув дверями. Фотий же, отворив дверь, вслед возвзвал громко: «Если ты не покаешься, что зла наделал Церкви и государству, тайно и явно, и все сполна не откроешь царю, не узришь Царствия Небесного и снидешь во ад. Аминь»⁵⁸.

25 апреля архимандрит передал описание последних встреч с А. Н. Голицыным Государю⁵⁹, а 7 мая 1824 г. настоятель Юрьева монастыря послал свое очередное разоблачительное письмо «тайно царю прежним путем через любимца Царева боярина Федора Уварова»⁶⁰. 15 мая 1824 г. Двойное министерство было распущено и Голицын отставлен с постов министра и президента Библейского общества. Затем состоялась третья беседа — 14 июня, в начале которой царь гневался за предание архи-

⁵⁶ Там же. С. 212.

⁵⁷ С 1822 г. между архим. Фотием и кн. Голицыным велась переписка по духовным вопросам. Письма опубликованы — см. Барсов Н. И. Князь А. Н. Голицын и архимандрит Фотий в 1822—1825 гг. // Русская старина. 1882. Апрель. С. 205—222; Август. С. 275—286.

⁵⁸ Там же. Март. С. 769—770.

⁵⁹ Там же. С. 770.

⁶⁰ РО РГБ. Ф. 219. К. 128. Д. 3. Л. 72. Не лишним будет здесь привести характеристику, данную о. Фотием Ф. П. Уварову и его роли в повороте религиозной политики императора (тем более, что Уваров фигурирует в историографии как лицо, которым мог быть старец Феодор Кузьмич в прошлом): «Военачальник первых войск царских Федор Уваров мало разумен сам, как по учености земной, так и по духовным делам, но был всегда к царю совершенно предан, отечеством дорожил, русских своих природных всех уважал, Церкви не был противник, но к духовенству почтителен: общее благо поставлял за важное дело соблюдать. Он же был тридцатилетний любимец Императора Александра, справедлив всегда был, сколько мог. Чрез сего-то от начала все прияло содействие в пользу Церкви: сей открывал Царю очи, внушил в сердце его истину, но так искусно, что никто не мог проникнуть в сердце сего военачальника: он по природе был скромен и скрытен, колико был пред Царем в доверенности и любви». Там же. Л. 85.

мандрилом князя Голицына анафеме (в доме графини Орловой), но, случайно увидев на Фотии вериги (когда тот доставал спрятанный в его одежде пакет для государя), резко переменил тон⁶¹.

Глубокая духовная связь этих двух людей помогла самодержцу воспринять взгляды архимандрита Фотия, но она была возможна лишь для человека, который уже руководствовался в это время волей Божией⁶². Отец Фотий писал по поводу их взаимопонимания в 1830 г. в письме кprotoиерею-историографу (так он сам его называет) о. Иоакиму, которому собирался передать часть своих материалов: «Давно я хотел принять на себя, хотя мало что поведать, предав написанное втайне: многие избранные Божии молили меня потрудиться в написании повествования, между прочими летами особенно повести о тысяча восемьсот двадцать четвертом лете, в которое видели все плоды зрелые, пожатые истинными Пастырями, Учителями и сынами Святой Церкви и веры Православных. Многие вещи, мною совершаемые, были по смотрению Вышняго. По воле самого Царя и Государя Императора Александра I, премудрого и кроткого, и блаженного из Владык и Царей земных: пишу так, вспоминая Царя Александра в виде и чувствии праведном, потому что в последние лета жития и царствования таков был Он видимый, и я знал его тайны и сердце, касательно благоугождения Богу: и никто не знал тако со стороны Праведности и Святыни Его напоследок, как я знал Его. Знал же я Его по разуму веры Христовой»⁶³.

Это удивительное определение духовного состояния одного из императоров Российских в самом конце его правления написано человеком исключительно строгим к себе и другим в вопросах веры. К тому же оно написано через пять лет после завершения правления, что исключает элемент лести или расчетливого преувеличения.

⁶¹ Там же. Л. 96 об. — 98 об.

⁶² Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898. С. 159

⁶³ РО РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. К. 129. Д. 3. Л. 208—209. К сведению исследователей, отметим, что в этом письме историографу о. Иоакиму архимандрит Фотий упоминает пятнадцать книг имеющихся у него материалов: его собственные письма с 1822 г. по 1829 г. в девяти книгах; 10-ая — описание жизни Иннокентия и «производство дел»; 11-ая — копии дел и писем митрополита Серафима и секретных представлений императору; 12-ая — подлинные («собственоручные») письма митрополита Серафима; 13-ая — подлинные письма графа Аракчеева; 14-ая — подлинные письма «митрополитов Евгения, Филарета и других святителей»; 15-ая — разбор книг еретических. «С 1817 года, — пишет Фотий, — во всем составе содержится описание церковной истории, яко достовернейшее, или в подлинниках и копиях с секретных дел, и прочих бумаг и актов, лично мною производимых, по воле Высочайшей прямо или через доверенных особ. Весь дух Веры, Церкви нашей, учебных духовных заведений, народа и прочего описан совершенно». Там же. Л. 199—200.

⁶⁴ Смирнова С. Неразгаданный сфинкс. // Новое время. 1898. № 8198.

⁶⁵ Там же. Мозоли на коленях от стояния на молитвах отмечены у старца Феодора Кузьмича. Содержание заметок о великом старце Феодоре Кузьмиче. РО РГБ. Ф. 23. Белокуров. К. 8. Д. 1 (1а). Л. 24 об. Это сходство как одно из существенных доказательств «тождества императора и Томского старца» отмечает современный исследователь проблемы — С. В. Фомин. Святой праведный старец Феодор Кузьмич. Из истории почитания его Царским Домом и русским народом. М., 2003. С. 9—10.

⁶⁶ Ярко выраженный пример этого — статья Е. Шумигорского — ответ на выход книг кн. В. В. Барятинского и К. Н. Михайлова, признававших реальность этой возможности. // Новое время. 1914. 1 февраля. С. 5—8.

⁶⁷ РО РГБ. Ф. 219. Орловы. К. 128. Д. 3. Л. 79 об.

Высокая оценка благочестия Александра I встречается и у авторов, с уважением относившихся к вере, но отрицательно оценивавших контакты государя с архимандритом. Так в 1898 г. в «Новом времени» появилась статья С. Смирновой «Неразгаданный сфинкс», поводом к которой послужил выход в свет четвертого тома труда Н. К. Шильдера об Александре I. С. Смирнова считала влияние архимандрита Фотия «гибельным»: «Этот ограниченный фанатик, сын деревенского дьячка, властно вошел во дворец и подчинил себе волю умнейшего и образованнейшего человека своего времени»⁶⁴. Тем не менее она благожелательно пишет о том, что император после 1812 г. стал избегать светских удовольствий, отводил душу в молитве. «Молился он горячо, с таким усердием, что от частого стояния на коленях у него явились мозоли. Всю тягость земных забот с него снимал Тот, Кто отныне руководил им. Не надо было тяжелых усилий, чтобы принять то или другое решение: он получал их свыше и только слепо повиновался им. Когда мне случалось бывать в трудных положениях, — говорит он, — я всегда выходил из них молитвой»⁶⁵.

Как правило, в историографии и публицистике утверждение, что Александр I по самой сути своей не мог стать старцем Феодором Кузьмичем, делается при полной неосведомленности о религиозной жизни государя в последние годы царствования⁶⁶. Сознательно формируемая клевета на императора началась еще при его жизни. Архимандрит Фотий писал в своем «Повествовании» о реакции монарха на подобные вещи: «но Царь благополучлив, яко Ангел Божий во плоти, со смиренiem принимал вся: кто где молву недобрую о нем рассевал, виня и обвиняя Царя во всех заблуждениях и делах (...»⁶⁷.

После последней, пятой по счету, встречи во дворце 12 февраля 1825 г. император и архимандрит

рит увиделись 5 июля этого же года в Новгородском Юрьевом монастыре. Настоятель подробно описал пребывание государя в своей обители в послании к графине А. А. Орловой-Чесменской⁶⁸.

Известие о приезде императора к ранней литургии в 4 часа утра было получено архимандритом Фотием от графа Аракчеева, сопровождавшего Государя, только накануне вечером и, как обычно, с запрещением разглашать это сообщение. О своем состоянии при приближении к монастырю Александр I говорил архимандриту: «Погода была, ветер велик. Нас с графом слишком промочило до тела. Мы прозябли. Сего дня я встал в 2 часа, помолился Богу за себя и за тебя, отец Фотий, ибо люблю тебя и молюсь за тебя, дабы ты за меня молился всегда непрестанно». После литургии «и ко мне подошел Царь, — пишет настоятель, — принял благословение, весь исполнен радости, веселия, утешения, и сказал: «Отец Фотий! Я хочу посетить тебя в келиях». Там сказал: «Во всю мою жизнь в другом токмо монастыре такое удовольствие я в сердце ощущаю: точно я был в доме Бога Небесного и пред Ним стоял. Не могу пересказать всей моей радости»»⁶⁹.

Архимандрит отмечает секретность своего разговора с императором: «Довольно посидел со мною в тайне и тайная побеседовав...». «Люблю я монастыри и твоих монахов полюбил», — говорил Государь. «Вот вскоре пришли все, Он у всех взял благословение; после Он позвал меня в мою дальнюю келью, был разговор о делах Божиих, и дело о спасении души» (подчеркнуто архим. Фотием).⁷⁰

* * *

Перед самым отъездом в Таганрог государь был в Александро-Невской лавре, постоянно им посещавшейся. Он выехал ночью из Каменноостровского дворца без свиты, с одним кучером Ильей Байковым. В монастыре были предупреждены о его приезде, но с указанием, что никто «не должен знать о сем». Монахи во главе с митрополитом Санкт-Петербургским Серафимом встретили императора у входа. Он приказал закрыть за собой ворота и вошел в церковь, начался молебен. Перед чтением Евангелия Александр I приблизился к митрополиту и, став на колени, просил положить Евангелие ему на голову. Во время молебна

государь плакал. По окончании молебна приложился к мощам св. благоверного князя Александра Невского и помолился у мощей.

Затем император посетил митрополита Серафима в его покоях. Этот иерарх, как отмечалось выше, был единодушен с monarchом и архимандритом Фотием в религиозной политике Александра последних лет его правления и немало содействовал защите православия от разрушительных влияний. С митрополитом прошли в келью схимника, привлеченного к себе государя. В келье схимник пал перед распятием, а самодержец положил три земных поклона и, выслушав назидание старца, принял благословение. За перегородкой постоял у гроба, служившего монаху постелью. Прощаясь с митрополитом Серафимом у коляски, с глазами, полными слез, император просил его молитв о себе и жене. До самых ворот лавры он не покрывал голову, часто оборачивался и крестился на собор⁷¹.

В нашем распоряжении пока нет данных о посещении императором Александром монастырей на пути из Санкт-Петербурга в Таганрог (со 2 по 14 сентября 1825 г.). Существует мнение, что он побывал у преподобного Серафима в Сарове — в этой поездке или ранее. Здесь можно сослаться на таких серьезных исследователей, как Е. Н. Поселянин и С. В. Фомин. Поселянин сообщил этот факт М. П. Гедеонов, собиравший материалы о подвижниках благочестия и слышавший рассказ престарелого очевидца этого посещения в передаче другого монаха⁷². При том стремлении избежать огласки, которым отмечены все поездки в обители в качестве частного лица, можно допустить, что часть посещений не попала в письменные источники.

В Таганроге, по свидетельству Павла Алексеевича Тучкова, входившего в число сопровождавших лиц, «государь жил как частный человек, без свиты и придворного этикета». Он ежедневно прогуливался пешком и «редко прогулка его не была озnamенована какою-нибудь помощью бедному семейству, отысканному им самим, или каким-нибудь благодеянием другого рода»⁷³. Александр Павлович посещал собор и греческий монастырь, в частности, с приехавшей позднее императрицей. «Обыкновенно, прибывая в какой-либо город, император отправлялся в собор помолиться. По при-

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1208. Новгородский Юрьев монастырь. Оп. 3. Д. 48. Л. 78—86. Полный текст послания см. в разделе «Публикации» этого журнала.

⁶⁹ Там же. ЛЛ. 82 — 82 об. 83 об.

⁷⁰ Там же. ЛЛ. 84—84 об.

⁷¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. IV. С. 352—354. Данилевский Н. Таганрог, или подробное описание болезни и кончины императора Александра I. М., 1828.

⁷² Поселянин Е. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. СПб., 1908. С. 142—144; Фомин С. В. Россия перед вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1995. С. 123—124.

бытии Ее Величества (в Таганрог) государь вместо того, чтобы вести ее в собор, который был холодный, тотчас же отправился с нею в градской греческий монастырь, тот самый, в котором было выставлено тело императора 4-го декабря»⁷⁴.

20 октября (по некоторым данным — 17 октября)⁷⁵ Александр выбыл из Таганрога в Крым в сопровождении генерал-адъютанта барона Дибича, лейб-медика баронета Виллиса, доктора Д. К. Тарасова и вагонмейстера полковника А.Д. Соломки. Вся поездка в Крым была отмечена многими отлучками императора (самого или в сопровождении одного человека), возникавшими иногда эксцромтом, — пешком, верхом, на лодке. В их числе — посещение военного и морского госпиталей. В Балаклавский монастырь св. Георгия (12 верст от Севастополя, 7 верст от Балаклавы, основан в 891 г., по преданию, на месте посещения апостола Андрея) государь поехал вечером верхом, взяв лишь проводника. В этой горной обители, имевшей пещерный храм, царь был уже ранее, по меньшей мере, один раз, 17 мая 1818 г. При поездке верхом в Гурзуф-Кале император посетил Успенский монастырь⁷⁶.

3 октября 1825 г., свидетельствует архимандрит Фотий, «император писал из Таганрога мне письмо тайно: а ноября 19 дня скончался там»⁷⁷. Фотий сообщает о смерти Александра I 30 ноября и снова пишет об этом 1 декабря. Он молится и горячо оплакивает государя. «Не я, а душа моя и вся внутренняя моя вещают скорбь мою тебе о том»⁷⁸. Архимандрит, несомненно, искренен в своей скорби. Но в посланиях его Анне Алексеевне в последующие годы замечается некоторая странность: нет ни упоминаний о панихидах 19 ноября, ни даже каких-либо обычных молитвенных пожеланий упокоения и прощения грехов императору в этот день. Так, в письме от 19 ноября 1829 г. затрагиваются разные темы (включая даже состоя-

ние погоды) и одна лишь фраза: «Ныне день памяти Александра Благословенного — яко день его успения». И все — ни панихиды (архимандрит упоминает в письмах иногда службы), ни молитв. Сразу за этой фразой — испрашивание свыше благословения для графини⁷⁹. Отнести это на счет охлаждения с годами пыла восхищения императором невозможно, т. к. приведенное выше удивительное описание Фотием духовности государя как святого относится к следующему, 1830 г.

19 ноября 1830 г. о. Фотий продолжал писать текст повествования о своей жизни, начатый 18 ноября. Никаких упоминаний об императоре здесь нет, между тем, в других случаях иногда отмечается особенность того дня, в который он пишет. Нет в тексте повествования (это — автограф) поминания Александра I и 12 декабря — в день его рождения⁸⁰. Скажем в более общей форме: во всей рукописной книге автобиографического «Повествования» (338 листов) нет никаких эмоций или молитв по поводу смерти императора.

В письме графине Орловой-Чесменской от 19 ноября 1832 г. — ничего об Александре I; также и 12 декабря⁸¹. В послании (автограф) ей же 19 ноября 1833 г. — ни слова об императоре⁸². В записке 19 ноября 1836 г. расписан весь день архимандрита — ни слова о панихиде и вообще об Александре I.

Внимание к вопросу о поминаниях, точнее, об отсутствии таковых, впервые было привлечено Николаем Грузинским, священником Новгородского Сыркового монастыря, в его статье о монахине этого монастыря Вере Молчальнице. Рассматривая доводы в пользу гипотезы о том, что под этим именем скрывалась императрица Елизавета Алексеевна, тайно ушедшая от мирской жизни вслед за супругом, Н. Грузинский указал на отсутствие в синодике графини А. А. Орловой-Чесменской Александра I и его жены⁸³.

⁷³ Голицын Н. С. Рассказы об императоре Павле I и Александре I. // Русская старина. 1880. Т. 29. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. С. 741—742.

⁷⁴ Последние дни жизни Александра I. Рассказы очевидцев, записанные княгинею Зинаидою Александровной Волконской. // Русская старина. 1878. С. 4—5; кн. Барятинский В. В. Царственный мистик. (Император Александр I — Федор Кузьмич). СПб., 1912. С. 21.

⁷⁵ В литературе неоднократно отмечалась большая неточность в свидетельствах, связанных с Таганрогом и крымской поездкой императора. Добросовестный историограф царствования Александра I Н. К. Шильдер писал по этому поводу: «Вообще следует заметить, что трудно согласовать между собою рассказы о последних трех месяцах жизни императора Александра; на каждом шагу встречаются противоречия, недомолвки, очевидные неточности и даже несообразности». Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. IV. С. 483. Прим. 410.

⁷⁶ Православные русские обители. СПб., 1994. С. 551; Барятинский В. В. Указ. соч. С. 25—26; Последние дни... С. 5—7.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1208. Новгородский Юрьев монастырь. Оп. 3. Д. 48. Л. 86.

⁷⁸ Там же. Л. 100 — 100 об.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 54. Л. 268 — 268 об.

⁸⁰ РО РГБ. Ф. 219. К. 103. Д. 1. Л. 5—9 об.

⁸¹ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 64. Л. 162—163 об., 186.

⁸² Там же. Д. 63. Л. 223—224.

⁸³ Грузинский Ник. Вера Молчальница. СПб., 1911. С. 15. Подробнее см. Цеханская К. В. Мнимая смерть императрицы, или история монастырской молчальницы Веры Александровны. // Наука и религия. М., 2000. № 1. С. 18—21.

Этот же вопрос всплыл в рассказах о лейб-медике Д. К. Тарасове — одном из врачей, подписавших заключение о смерти Александра I в Таганроге. Его племянник — И. Т. Тарасов отмечал, что дядя до 1864 г. (год смерти Феодора Кузьмича) не заказывал панихиды об императоре, а с этого года стал, по свидетельству кучера Д. К. Тарасова, ездить в Казанский и Исаакиевский соборы и приходскую церковь с этой целью⁸⁴.

Современный исследователь С. В. Фомин пишет: «Среди важнейших, как нам представляется, доказательств тождества Императора Александра I и старца Феодора Кузьмича является тот факт, что в семьях графа (до 1855 г. — барона) Дмитрия Ерофеевича фон дер Остен-Сакена (1789 — 3 марта 1881) и доктора Д. Н. Тарасова панихиды по усопшему Императору Александру I с 1825 г. по 1864 г. (когда, как известно, скончался старец) не служились». Относительно Д. Е. Остен-Сакена Фомин приводит свидетельство историка-эммигранта Л. Д. Любимова: внук графа рассказал Любимову, что Дмитрий Ерофеевич, узнав о смерти Феодора Кузьмича, облекся в полную парадную форму и «приказал отслужить панихиду по императору Александру I в домовой своей часовне»⁸⁵. Это свидетельство особенно важно потому, что есть данные о переписке сибирского старца с бароном Д. Е. Остен-Сакеном⁸⁶.

К изложенным наблюдениям о непоминании императора некоторыми из близко знавших его лиц можно прибавить то, что в письме Николая I к брату — Великому князю Михаилу Павловичу от 19 ноября 1836 г. нет ни слова об Александре⁸⁷. В записях графа М. А. Корфа, который вел своего рода дневник высказываний Великого князя Михаила Павловича, в тексте от 19 ноября 1840 г. не упоминается Александр I⁸⁸.

Мы не делаем пока никаких выводов из этих фактов. Вопрос о поминании выходит за рамки темы данной статьи, т. к. должен рассматриваться в ряду событий, происходивших после 1825 г. Но мы хотим привлечь к нему внимание уже на этих страницах, да-

бы отметить, какие дополнительные возможности в исследовании проблемы открываются при учете веры и религиозного поведения участников событий.

Важной составляющей духовной жизни Александра I в рассматриваемый период были мысли и чувства императора о возможном отречении от престола и уходе в частную жизнь. Об этом намерении сохранилось немало свидетельств, некоторые из них достаточно известны. В концентрированном виде они собраны князем В. В. Барятинским в его книге «Царственный мистик». Барятинский подчеркивает устойчивость этого намерения, открыто выраженного в 1817, 1819, 1824 и 1825 годах⁸⁹.

Выделим здесь лишь два из этих свидетельств. Императрица Александра Федоровна, супруга императора Николая I, вспоминала, что в 1819 г. в конфиденциальном разговоре с Великим князем Николаем Павловичем царь предупредил брата, что вскоре он займет престол, т. к. сам Александр решил по отречении уйти в монастырь⁹⁰. И второе: «Весной 1825 года приехал в Петербург принц Оранский, которому император Александр поверили свое намерение сойти с престола и удалиться на частную жизнь. Принц ужаснулся и старался отклонить Государя от подобного намерения. Но Александр остался при своем мнении, и старания принца не привели к желаемой цели; ему не удалось поколебать намерения Государя»⁹¹.

Иные авторы легко отмахиваются от этих свидетельств, утверждая, что это была лишь поза, фраза, не соответствующая истинным намерениям Александра I. Однако в свете всего сказанного выше о религиозной жизни императора прямые заявления об отречении приобретают совершенно четкий, реальный смысл.

Нарастает крайне тревожная информация о тайных обществах, о намерениях будущих «декабристов»; ее привозят в Таганрог. Нужно действовать — расследовать, карать. Он ли должен это делать? В 1812 г. император у раки преподобного Сергия Радонежского получил благословение действовать. Теперь воля Божия о нем была иная...⁹²

⁸⁴ Россиев Павел. Живучая легенда. // Исторический вестник. 1907. Т. 109. №8. С. 688

⁸⁵ Фомин С. В. Святой праведный старец... С. 10—12.

⁸⁶ Михайлов К. Н. Император Александр I — старец Федор Кузьмич. СПб., 1913. С. 267; Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998. С. 274.

⁸⁷ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 728. Коллекция документов Рукописного Отделения Библиотеки Зимнего Дворца. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1402. Ч. 1. Л. 26.

⁸⁸ Там же. Оп. 1. Кн. 4. Д. 1824. Л. 7.

⁸⁹ Барятинский В. В., кн. Указ. соч. С. 3—7, 11.

⁹⁰ Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г. // Русская старина. 1896. № 10. С. 53—54.

⁹¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. IV. С. 350.

⁹² Однажды жена купца С. Ф. Хромова приехала на заемку к старцу Феодору Кузьмичу «и, войдя к нему в келью, увидела, что он сидит на лежанке (старцу было в это время за восемьдесят. — М. Г.). Подозревая, кто он, ей стало грустно, что в ту минуту представлял из себя старец, далеко от всех, как бы забытый миром, и несет добровольно такой крест и смирение. Вдруг старец обращается к ней и говорит: «Полно, любезная, это воля Божия». Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 104.